

Его прощальный поклон

Случай в поместье Вистерия-Лодж

1

Удивительное происшествие с мистером Джоном Скоттом Экклзом

В моих записях упоминается, что случилось это в пасмурный ветреный день в самом конце марта 1892 года. Когда мы сидели за завтраком, Холмс получил телеграмму и сразу написал ответ. Он ничего не сказал, однако, судя по всему, сообщение не выходило у него из головы: Холмс стоял у камина с задумчивым лицом и, покуривая трубку, то и дело поглядывал на телеграмму. Внезапно он повернулся ко мне, и в глазах его блеснула лукавая искра.

— Полагаю, вас можно считать мастером эпистолярного жанра, Уотсон, — сказал он. — Как бы вы истолковали слово «фантастический»?

— Ну... странный, необычный, — предположил я. Холмс покачал головой, не удовлетворенный моим определением.

— Я вижу здесь нечто большее, — заметил он. — В моем сознании это слово связано с происшествиями трагическими и ужасными. Если припомните кое-

© Перевод. Г. Веснина, 2020

какие мои дела, рассказами о которых вы шекотали нервы многострадальным читателям, то, несомненно, согласитесь, что зачастую фантастические события предшествуют преступлению. Взять хотя бы «Союз рыжих». Фантастическое начало отчаянной попытки ограбления. Пять апельсиновых зернышек предвещали убийство. Так что слово «фантастический» рождает у меня недобрые предчувствия.

— Это слово есть в телеграмме? — спросил я.
Холмс зачитал ее вслух:

— «Со мной произошел невероятный, поистине фантастический случай. Могу ли я прийти к вам на консультацию? Скотт Экклз, почтамт, вокзал Черингкросс».

— Мужчина или женщина? — спросил я.

— Разумеется, мужчина. Женщина никогда не пришлет телеграмму с оплаченным ответом. Она скорее придет сама.

— Вы примете его?

— Мой дорогой Уотсон, вам известно, как я скучаю с тех пор, как мы завершили дело полковника Каррузерса. Мой мозг, как и мотор, не может работать вхолостую — не имея объекта приложения сил, он разлетится в куски. Жизнь обыденна, газеты невыносимо скучны, в криминальном мире не осталось дерзких романтических личностей, готовых бросить вызов моему интеллекту. И вы еще спрашиваете, возьмусь ли я за расследование нового дела, каким бы тривиальным оно ни оказалось на поверку? Но погодите: если не ошибаюсь, пришел наш клиент.

На лестнице послышались размеренные шаги, и через секунду в комнату вошел высокий, полный, вну-

шительного вида мужчина с седыми бакенбардами. Историю его жизни можно было угадать по важным манерам и твердым чертам лица. От самых гетр до очков в золотой оправе все говорило о том, что перед нами убежденный консерватор, примерный прихожанин, добропорядочный гражданин и ортодокс, ревнитель традиционного порядка вещей. Однако событие, произошедшее с ним, поколебало его природную невозмутимость. А то, что он пережил потрясение, выдавали растрепанные волосы, жаркий сердитый румянец на щеках и сутливые жесты. Он сразу приступил к существу дела:

— Со мной произошло очень странное и неприятное происшествие, мистер Холмс. Впервые в жизни я оказался в столь возмутительной ситуации. Это так неправильно, невыносимо. Я вынужден искать этому какое-то вразумительное объяснение. — Мужчина тяжело пыхтел, не в силах совладать с обуревавшими его чувствами.

— Прошу вас, сядьте, мистер Скотт Экклз, — сказал Холмс успокаивающим голосом. — Позвольте для начала поинтересоваться, почему вы решили обратиться именно ко мне?

— Видите ли, сэр, мне показалось, это не то дело, с которым стоит идти в полицию, и вместе с тем, выслушав меня, вы поймете, что я не мог оставить все как есть. Признаться, я не испытываю ни малейшей симпатии к частным детективам, однако, услышав ваше имя...

— Понятно. Позвольте задать вам второй вопрос: почему вы не пришли ко мне сразу?

— Что вы имеете в виду?

Холмс взглянул на часы.

— Сейчас четверть третьего. Вы отправили телеграмму около часа дня. Однако беспорядок в вашем

туалете свидетельствует о том, что неприятности начались с самого утра. Это видно с первого взгляда.

Наш клиент пригладил взъерошенные волосы и провел рукой по небритому подбородку.

— Вы правы, мистер Холмс. Я был так счастлив поскорее убраться из этого дома, что забыл привести себя в порядок. Прежде чем явиться к вам, я бегал по окрестностям, пытаюсь хоть что-нибудь узнать. Я обратился в агентство по аренде жилья, но там мне сказали, что мистер Гарсия полностью уплатил аренду за проживание в Вистерия-Лодж и у них нет никаких причин беспокоиться.

— Погодите, погодите, сэр, — смеясь, остановил его Холмс. — Вы совсем как мой друг Уотсон: у него есть дурная привычка начинать рассказ с конца. Пожалуйста, соберитесь с мыслями и изложите все по порядку. Прежде всего я хочу знать, какие именно события заставили вас забыть настолько, что вы побежали за советом и помощью непричесанным и неумытым, с развязанными шнурками и в криво застегнутом жилете.

Посетитель сокрушенно осмотрел себя, огорченный столь явным нарушением приличий.

— Я сознаю, что произвожу ужасное впечатление, мистер Холмс, но, поверьте, такое случилось со мной впервые в жизни. Когда я поведаю вам эту леденящую кровь историю, уверен, вы согласитесь: в подобных обстоятельствах мой вид вполне извинителен.

Но рассказ мистера Скотта Эклза был прерван, не успев начаться. За дверью послышалась глухая борьба, после чего миссис Хадсон открыла дверь и пустила двух крепких мужчин, состоящих на государственной службе. Один из них был хорошо известен нам как инспектор Грегсон из Скотленд-Ярда.

Этот энергичный офицер с галантными манерами неплохо справлялся с возложенными на него обязанностями — разумеется, в пределах своих ограниченных возможностей. Он поздоровался с Холмсом за руку и представил второго джентльмена как инспектора Бэйнса из полицейского участка в Суррее.

— Мы вместе шли по следу, мистер Холмс, и он привел нас сюда. — Инспектор Грегсон вперил жаждущий крови взгляд в нашего посетителя. — Вы — мистер Джон Скотт Экклз из Попхэм-хауса, что в Ли?

— Да, это я.

— Мы гонялись за вами все утро.

— И без сомнения, вычислили его по телеграмме, — заметил Холмс.

— Совершенно верно, мистер Холмс. Мы взяли след в почтовом отделении на вокзале Черинг-кросс, и он привел нас напрямиком к вам.

— Но зачем вы преследовали меня? Что вам от меня нужно?

— Мы хотим получить от вас заявление в связи со смертью мистера Алоизиуса Гарсия, случившейся прошлой ночью в Вистерия-Лодж близ Эшера.

Наш клиент подскочил на стуле, после чего замер с застывшим взглядом. В лице его не осталось ни кровинки.

— Он умер? Вы сказали: умер?

— Да, сэр, именно так я и сказал.

— Но как? Он стал жертвой несчастного случая?

— Он стал жертвой убийства.

— Боже милостивый! Но это же ужасно! Надеюсь, вы не думаете... уж не подозреваете ли вы меня?

— В кармане убитого мы обнаружили ваше письмо и узнали из него, что вы собирались провести ночь в его доме.

— Да, я действительно там ночевал.

— Ах вот как! В самом деле?

На столе появился блокнот.

— Подождите немного, Грегсон, — остановил полицейского Шерлок Холмс. — Как я понял, вам нужно от него официальное заявление?

— Да, и мой долг предупредить мистера Скотта Экклза, что все сказанное им может быть использовано против него.

— Перед вашим приходом мистер Экклз как раз собирался обо всем рассказать нам. Уотсон, думаю, бренди с содовой ему не повредит. Сэр, я предлагаю вам не обращать внимания на несколько увеличившуюся аудиторию и продолжить свое повествование так, словно его никто не прерывал.

Наш посетитель залпом выпил бренди, и на щеках его вновь проступила краска. Бросив подозрительный взгляд на блокнот инспектора, он приступил к изложению своей экстраординарной истории.

— Я холостяк, — начал он, — и, как человек светский, имею большой круг друзей. Среди них есть семья бывшего пивовара по имени Мелвилл. Они живут в графстве Кенсингтон в поместье Албемарль. Несколько недель назад, обедая у Мелвиллов, я познакомился с молодым человеком по имени Гарсия. Как я понял, он испанского происхождения и имеет отношение к посольской миссии. Гарсия великолепно говорил по-английски, у него были приятные манеры и исключительно привлекательная внешность.

Мы как-то сразу сдружились — казалось, он расположился ко мне с первого взгляда. Уже через пару дней Гарсия приехал навестить меня в Ли. Слово за слово, и дело кончилось тем, что он пригласил меня погостить несколько дней в арендованном им особ-

няка Вистерия-Лодж, расположенном между Эшером и Оксшотом. Вчера вечером я отправился в Эшер, чтобы выполнить данное обещание.

С его слов я уже знал, кто живет вместе с ним в поместье. Неизменным спутником Гарсия был верный слуга, тоже испанец, взявший на себя все заботы о доме и гардеробе хозяина. Он тоже довольно сносно владел английским. Кроме того, во время своих путешествий Гарсия нашел чудесного повара-полукровку, готовившего изумительные обеды. Помните, Гарсия как-то упомянул о том, что появление подобной компании в сердце Суррея выглядит довольно странно. Я согласился с ним, однако в тот момент и представить себе не мог, до какой степени странная эта компания.

Проехав две мили к югу от Эшера, я прибыл на место. Дом оказался большим; задней своей стороной он был обращен к главному тракту, а подъездная дорога к входу вилась вокруг дома вдоль разросшегося вечнозеленого кустарника. Огромное здание находилось в крайне запущенном состоянии и разваливалось буквально на глазах.

Оказавшись со своими пожитками на лужайке возле растрескавшейся и потемневшей от дождей двери, я впервые усомнился, благоразумно ли поступил, отправившись в гости к почти незнакомому человеку.

Гарсия сам вышел мне навстречу и сердечно приветствовал меня, после чего поручил заботам меланхоличного темнокожего слуги, проводившего меня в спальню. Все в этом доме наводило тоску. Ужин проходил тет-а-тет, и хотя хозяин делал все возможное, чтобы развлечь меня, казалось, мысли его витали далеко: временами он отвечал так тихо и невпопад,

что я едва понимал его. К тому же Гарсия не переставая барабанил пальцами по столу, кусал ногти и выказывал другие признаки озабоченности и нетерпения.

Ужин был так же плохо приготовлен, как и сервирован, а присутствие угрюмого, молчаливого слуги испортило его окончательно. Уверяю вас, на протяжении всего вечера я пытался изобрести причину, чтобы извиниться и немедленно отбыть домой в Ли.

Сейчас мне приходит на память одно обстоятельство. Возможно, оно имеет отношение к делу, которое привело сюда этих двух джентльменов. В тот момент я не придавал ему значения. В конце ужина слуга принес хозяину записку. Я заметил, что, прочитав ее, Гарсия стал еще более странным и почти невменяемым. Он уже не пытался притворяться, будто поддерживает беседу, и, погружившись в свои мысли, курил сигары одну за другой. Гарсия ничего не сказал мне о содержании записки. Когда часы пробили одиннадцать, я обрадовался, что могу отправиться спать. Немного погодя Гарсия заглянул ко мне в комнату и, не зажигая свет, спросил, не звонил ли я в колокольчик. Я ответил, что не звонил. Он извинился за беспокойство, заметив, что уже час ночи. После этого я сразу уснул и прохрапел всю ночь напролет.

Теперь я перехожу к самой удивительной части своей истории. Проснулся я, когда уже всю светило солнце. На моих часах было девять. Поскольку я настоятельно просил разбудить меня в восемь, такая необязательность показалась мне возмутительной. Вскочив, я дернул колокольчик. Бесплезно. Я звонил снова и снова, но никто не откликнулся. Тогда я заключил, что звонок неисправен. В отвратительном

настроении, кое-как напялив одежду, я поспешил вниз, намереваясь потребовать горячей воды. Представьте себе мое удивление, когда я обнаружил, что в доме никого нет. Я вышел в коридор и покричал. Никто не отозвался. Я начал бегать по комнатам, но все они были пусты. Вечером хозяин показал мне, где расположена его спальня, и я постучал в дверь указанной комнаты. Никакого ответа. Я повернул ручку и вошел: комната была пуста, постель не смята. Все ушли. Хозяин-иностранец, слуга-иностранец и иностранный повар — все растворились в ночи!

Так закончился мой визит в Вистерия-Лодж.

Шерлок Холмс с удовольствием потирал руки и покашливал, воображая, как добавит этот удивительный случай в свою коллекцию.

— В самом деле, ваша история совершенно уникальна, — сказал он. — Позвольте спросить: что вы делали после этого?

— Я был вне себя от ярости. Сначала я подумал, что стал жертвой дурацкой шутки. Сложив свои вещи, я хлопнул дверью и отправился в Эшер пешком с багажом в руках. Там я нашел контору братьев Оллэн, занимающихся арендой недвижимости, и выяснил, что злополучный дом арендован у них. Прикинув, что сейчас март, а квартал заканчивается как раз в марте, я вдруг заподозрил, что скорее всего вся затея была задумана не для того, чтобы подшутить надо мной, а для того, чтобы не платить за аренду. Однако моя версия оказалась неверной: агент поблагодарил меня за предупреждение, но сказал, что плату за дом внесли вперед.

Тогда я отправился в город и явился в испанское посольство. Там никто не знал моего нового знакомого. Я помчался к Мелвиллу, у которого познако-

мился с Гарсией, но выяснилось, что он знает о нем еще меньше моего. Наконец я вспомнил, что вы иногда оказываете помощь в трудных ситуациях, и отправил вам телеграмму. Получив положительный ответ, я немедленно поехал на встречу. Но теперь, после того, что сообщил нам инспектор, я полагаю, мне следует предоставить слово ему. Однако прежде чем мы услышим продолжение этой трагической истории, я хочу еще раз клятвенно заверить вас, что все сказанное мною, от первого до последнего слова, правда и я действительно больше ничего не знаю о судьбе этого человека. Сейчас единственное мое желание — помочь торжеству правосудия.

— Не сомневаюсь, мистер Скотт Экклз, не сомневаюсь, — сказал инспектор Грегсон весьма дружественным тоном. — Ваш рассказ полностью согласуется с теми фактами, которыми мы на данный момент располагаем, и это обнадеживает. Например, по вашим словам, за ужином хозяину принесли записку. Вы не помните, куда он ее дел?

— Гарсия скатал ее в трубочку и бросил в камин.

— Что скажете на это, мистер Бэйнс?

Деревенский детектив, полный, рыжеволосый, страдающий одышкой мужчина с необычайно яркими глазами, спрятанными под нависшими бровями, и массивными складками щек, показался бы грубым мужланом, если бы не эти живые глаза. Его губы расплылись в улыбке, после чего он вытащил из кармана скрученную записку, текст которой побледнел от жара.

— В камине была решетчатая подставка на высоких ножках. Он бросил записку так сильно, что она перелетела через нее в дальний угол камина, откуда я и вытащил ее целой и невредимой.

Холмс одобрительно улыбнулся:

— Должно быть, вы тщательно осмотрели весь дом, раз уж нашли даже этот клочок бумаги.

— Точно так, мистер Холмс. Таков мой метод работы. Полагаю, мне следует зачитать записку вслух, мистер Грегсон?

Лондонец кивнул.

— Записка написана на четвертушке листа обычной желтой бумаги без водяных знаков. В двух местах заметны надрезы, которые позволяют предположить, что листок разрезали ножницами с короткими лезвиями. Его свернули втрое и наспех запечатали сургучом пурпурного цвета, прижав плоским предметом овальной формы. Послание адресовано мистеру Гарсия в Вистерия-Лодж. В нем говорится: «Наши собственные цвета — зеленый и белый. Главная лестница, первый коридор, седьмая справа, зеленое сукно. Бог в помощь. Д.». Почерк женский, написано ручкой с тонким пером, но адрес дописан уже другой ручкой либо другим человеком. Как вы сами видите, буквы здесь ярче и шире.

— Очень интересная записка, — заметил Холмс, бросив на нее взгляд. — Должен сделать вам комплимент, мистер Бэйнс, — вы внимательны к мелочам и умеете делать правильные выводы. Я добавлю лишь несколько штрихов. Овальный предмет, которым запечатали письмо, — обыкновенная мужская запонка — что еще имеет такую форму? У ножниц были изогнутые лезвия — об этом свидетельствуют округлые надрезы.

Сельский детектив кашлянул.

— А я думал, что выжал из этой бумажки все, — огорчился он. — Но признаюсь, эти открытия ничуть не приблизили меня к разгадке убийства. Я понял